

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2016 – 2017 учебный год
Заключительный этап**

**Первый тур
11 класс**

**Проведите целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)
Варлам Шаламов
(1907—1982)**

За письмом

Полупьяный радист распахнул мои двери.

– Тебе ксива из управления, зайди в мою хавиру. – И исчез в снегу во мгле.

Я отодвинул от печки тушки зайцев, привезённых мной из поездки, – на зайцев был урожай, едва успевай ставить петли, и крыша барака была застлана наполовину тушками зайцев, замороженными тушками... Продать их было рабочим некуда, так что подарок – десять заячьих тел – не был слишком дорогим, требующим отплаты, оплаты. Но зайцев надо было сначала оттаять. Теперь мне было не до зайцев.

Ксива из управления – телеграмма, радиограмма, телефонограмма на моё имя – первая телеграмма за пятнадцать лет. Оглушительная, тревожная, как в деревне, где любая телеграмма трагична, связана со смертью. Вызов на освобождение – нет, с освобождением не торопятся, да я и освобождён давно. Я пошел к радисту в его укреплённый замок, станцию с бойницами и тройным палисадом, с тройными калитками за шеколдами, замками, которые открыла передо мной жена радиста, и протискивался сквозь двери, приближаясь к жилищу хозяина. Последняя дверь, и я шагнул в грохот крыльев, в вонь птичьего помёта и продирался сквозь кур, хлопающих крыльями, поющих петухов, сгибаясь, оберегая лицо, я шагнул ещё через один порог, но и там не было радиста. Там были только свиньи, вымытые, ухоженные, три кабанчика поменьше и матка побольше. И это была последняя преграда.

Радист сидел, окружённый ящиками с огуречной рассадой, ящиками с зелёным луком. Радист впрямь собрался быть миллионером. На Колыме обогащаются и так. Длинный рубль – высокая ставка, полярный паёк, начисление процентов – это один путь. Торговля махоркой и чаем – второй. Куроводство и свиноводство – третий.

Притиснутый всей своей фауной и флорой к самому краю стола, радист протянул мне стопку бумажек – все были одинаковыми, – как попугай, который должен был вытащить моё счастье.

Я порылся в телеграммах, но ничего не понял, своей не нашёл, и радист снисходительно кончиками пальцев достал мою телеграмму...

«Приезжайте письмом», то есть приезжайте за письмом, – почтовая связь сэкономила смысл, но адресат, конечно, понял, о чём речь.

Я пошёл к начальнику района и показал телеграмму.

– Сколько километров?

– Пятьсот.

– Ну, что же...

– В пять суток обернусь.

– Добре. Да торопись. Машину ждать не надо. Завтра якуты подбросят тебя на собаках до Барагона. А там оленьи упряжки почтовые прихватят, если не поспешишься. Главное тебе – добраться до центральной трассы.

– Хорошо, спасибо.

Я вышел от начальника и понял, что я не доберусь до этой проклятой трассы, даже до Барагона не доберусь, потому что у меня нет полушубка. Я колымчанин без полушубка. Я был сам виноват. Год назад, когда я освободился из лагеря, кладовщик Сергей Иванович Коротков подарил мне почти новый белый полушубок. Подарил и большую подушку. Но, пытаясь

расстаться с больницами, уехать на материк, я продал и полушубок и подушку – просто чтобы не было лишних вещей, которым конец один: их украдут или отберут блатные. Так поступил я в прошлом. Уехать мне не удалось – отдел кадров совместно с магаданским МВД не дал мне выезда, и я, когда деньги вышли, вынужден был поступить снова на службу в Дальстрой. И поступил, и уехал туда, где радист и летающие куры, но полушубка не успел купить. Попросить на пять дней у кого-либо – над такой просьбой на Колыме будут смеяться. Оставалось купить свой полушубок в посёлке.

Верно, нашёлся и полушубок и продавец. Только полушубок, чёрный, с роскошным овчинным воротником, был более похож на телогрейку – в нём не было карманов, не было пол, только воротник, широкие рукава.

– Что ты, отрезал полы, что ли? – спросил я у продавца, надзирателя лагерного Иванова. Иванов был холост, мрачен. Полы он отрезал на рукавицы-краги, модные, – пар пять таких краг вышло из пол полушубка, и каждая пара стоила целого полушубка. То, что осталось, не могло, конечно, называться полушубком.

– А тебе не всё равно? Я продаю полушубок. За пятьсот рублей. Ты его покупаешь. Это лишний вопрос – отрезал я полы или нет.

И верно, вопрос был лишний, и я поторопился заплатить Иванову и принёс домой полушубок, примерил и стал ждать.

Собачья упряжка, быстрый взгляд чёрных глаз якута, онемевшие пальцы, которыми я вцепился в нарты, полёт и поворот – речка какая-то, лёд, кусты, бьющие по лицу больно. Но у меня всё завязано, всё укреплено. Десять минут полёта, и почтовый посёлок, где...

– Марья Антоновна, меня не подбросят?

– Подбросят.

Здесь ещё в прошлом году, прошлым летом заблудился маленький якутский мальчик, пятилетний ребенок, и я и Марья Антоновна пытались начать розыски ребёнка. Помешала мать. Она курила трубку, долго курила, потом чёрные свои глаза навела на нас с Марьей Антоновной.

– Не надо искать. Он придёт сам. Не заблудится. Это его земля.

А вот и олени – бубенцы, нарты, палка у каюра. Только эта палка называется хореем, а не остолом, как для собак.

Марья Антоновна, которой так скучно, что она каждого проезжего провожает далеко – за околицу таёжную – что называется околицей в тайге.

– Прощайте, Марья Антоновна.

Я бегу рядом с нартами, но больше сажусь, присаживаюсь, цепляюсь за нарты, падаю, снова бегу. К вечеру огни большой трассы, гул ревущих, пробегающих сквозь мглу машин.

Рассчитываюсь с якутами, подхожу к обогревалке – дорожному вокзалу. Печка там не топится – нет дров. Но всё-таки крыша и стены. Здесь уже есть очередь на машину к центру, к Магадану. Очередь невелика – один человек. Гудит машина, человек выбегает во мглу. Гудит машина. Человек уехал. Теперь мне надо выбегать на мороз.

Пятитонка дрожит, едва остановилась ради меня. Место в кабине свободно. Ехать наверху нельзя в такую даль, в такой мороз.

– Куда?

– На Левый берег.

– Не возьму. Я уголь везу в Магадан, а до Левого берега не стоит садиться.

– Я оплачу тебе до Магадана.

– Это другое дело. Садись. Таксу знаешь?

– Да. Рубль километр.

– Деньги вперёд.

Я достал деньги и заплатил.

Машина окунулась в белую мглу, сбавила ход. Нельзя дальше ехать – туман.

– Будем спать, а? На Еврашке.

Что такое еврашка? Еврашка – это суслик, Сусликовая станция. Мы свернулись в кабине при работающем моторе. Пролежали, пока рассвело, и белая зимняя мгла не показалась такой

страшной, как вечером.

– Теперь чифирку подварить – и едем.

Водитель вскипятил в консервной кружке пачку чая, остудил в снегу, выпил. Ещё вскипятил, вторячок, снова выпил и спрятал кружку.

– Едем! А ты откуда?

Я сказал.

– Бывал у вас. Даже работал в вашем районе шофером. В вашем лагере негодяй есть – Иванов, надзиратель. Тулуп у меня украл. Попросил доехать – холодно было в прошлом году, – и с концами. Никаких следов. И не отдал. Я через людей передавал. Он говорит: не брал, и всё. Собираюсь всё сам туда, отнимать тулуп. Чёрный такой, богатый. Зачем ему тулуп? Разве порежет на краги и распродаст. Самая мода сейчас. Я бы сам мог эти краги пошить, а теперь ни краг, ни тулупа, ни Иванова.

Я повернулся, сминая воротник своего полушубка.

– Вот такой чёрный, как у тебя. Сука. Ну, спали, надо прибавить газку.

Машина полетела, гудя, ревя на поворотах, – водитель был приведён в норму чифирём.

Километр за километром, мост за мостом, прииск за прииском. Уже рассвело. Машины обгоняли друг друга, встречались. Внезапно всё затрещало, рухнуло, и машина остановилась, причаливая к обочине.

– Всё – к черту! – плясал водитель. – Уголь – к черту! Кабина – к черту! Борт – к черту! Пять тонн угля – к черту!

Сам он даже не был поцарапан, а я и не понял, что случилось.

Нашу машину сбила чехословацкая «татра», встречная. На её железном борту и царапины не осталось. Водители притормозили машину и вылезли.

– Подсчитай быстро, – кричал водитель «татры», – что стоит твой ущерб, уголь там, новый борт. Мы заплатим. Только без акта, понял?

– Хорошо, – сказал мой водитель. – Это будет...

– Ладно.

– А я?

– Я посажу тебя на попутку какую-нибудь. Тут километров сорок, довезут. Сделай мне одолжение. Сорок километров – это час езды.

Я согласился, сел в кузов какой-то машины и помахал рукой приятелю надзирателя Иванова.

Я ещё не успел промерзнуть, как машина начала тормозить – мост. Левый берег. Я слез.

Надо найти место ночевать. Там, где было письмо, ночевать мне было нельзя.

Я вошёл в больницу, в которой я когда-то работал. Но в лагерной больнице греться посторонним нельзя, и я только на минуту постоять в тепле зашёл. Шёл знакомый вольный фельдшер, и я попросил ночлега.

На следующий день я постучал в квартиру, вошёл, и мне подали в руки письмо, написанное почерком мне хорошо известным, стремительным, летящим и в то же время чётким, разборчивым.

Это было письмо Пастернака.

Стихи о соловье и поэте

Весеннее солнце дробится в глазах,
В канавы ныряет и зайчиком пляшет,
На Трубную выйдешь – и громом в ушах
Огонь соловьиный тебя ошарашит...

Куда как приятны прогулки весной:
Бредёшь по садам, пробегаешь базаром!..
Два солнца навстречу: одно над землей,
Другое – расчищенным вдрызг самоваром.

И птица поёт. В коленкоровой мгле
Скрывается гром соловьиного лада...
Под клеткою солнце кипит на столе –
Меж чашек и острых кусков рафинада...

Любовь к соловьям – специальность моя,
В различных коленах я толк понимаю:
За лешевой дудкой – вразброд стукотня,
Кукушкина песня и дробь рассыпная...

Ко мне продавец:
«Покупаете? Вот
Как птица моя на базаре поёт!
Червонец – не деньги! Берите! И дома,
В покое, засвищет она по-иному...»

От солнца, от света звенит голова...
Я с клеткой в руках дожидаюсь трамвая.
Крестами и звёздами тлеет Москва,
Церквами и флагами окружает!

Нас двое!
Бродяга и ты – соловей,
Глазастая птица, предвестница лета,
С тобою купил я за десять рублей –
Черёмуху, полночь и лирику Фета!

Весеннее солнце дробится в глазах.
По стёклам течёт и в канавы ныряет.
Нас двое.
Кругом в зеркалах и звонках
На гору с горы пролетают трамваи.

Нас двое...
А нашего номера нет...
Земля рассолодела. Полдень допет.
Зелёною смушкой покрылся кустарник.
Нас двое...

Нам некуда нынче пойти;
Трава горячее, и воздух угарней –
Весеннее солнце стоит на пути.

Куда нам пойти? Наша воля горька!
Где ты запоёшь?
Где я рифмой раскинусь?
Наш рокот, наш посвист
Распродан с лотка...
Как хочешь –
Распивочно или на вынос?

Мы пойманы оба,
Мы оба – в сетях!
Твой свист подмосковный не грянет в кустах,
Не дрогнут от грома холмы и озёра...
Ты выслушан,
Взвешен,
Расценен в рублях...
Греми же в зелёных кустах коленкора,
Как я громыхаю в газетных листах!..